

УДК 332

Курбанов Рашад Афатович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Kurbanov.RA@rea.ru

Попов Алексей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин Российский
экономический университет имени Г.В. Плеханова,
старший научный сотрудник лаборатории
правовых проблем недропользования и экологии,
Институт проблем экологии и недропользования
Академии наук Республики Татарстан

Popov.A@rea.ru

Rashad A. Kurbanov

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics
Kurbanov.RA@rea.ru

Alexey A. Popov

Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines Plekhanov Russian University
of Economics, Senior Researcher at the Laboratory of Legal
Problems of Subsoil Use and Ecology,
Institute of Ecology and Subsoil Use Problems
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Popov.A@rea.ru

**АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА
ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН¹**

**ANALYSIS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS
TURNOVER IN THE REPUBLIC KAZAKHSTAN**

Аннотация. Следуя принципу открытости экономики, в Гражданский кодекс Республики Казахстан в 2020г. были внесены изменения, касающиеся введения нового объекта гражданских прав – цифровых активов. Данная категория призвана урегулировать отношения, возникающие по поводу использования как уже длительный период существующих криптоактивов, но

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20415, <https://rscf.ru/project/22-28-20415/>

в будущем может потенциально распространяться на больший круг объектов. В статье дается анализ действующего законодательства в указанной сфере и перспектив его развития в ближайший период.

Ключевые слова: *цифровые права, цифровые активы, криптоактивы, ЕАЭС, инвестиционные платформы*

Annotation. *Following the principle of openness of the economy, amendments were made to the Civil Code of the Republic of Kazakhstan in 2020, which supplemented the existing objects of civil rights with a new category – digital assets. The introduction of this category is aimed at regulating the relations arising from the use of existing crypto assets for a long period of time. In the foreseeable future, the regulatory framework for the use of various digital assets, including investment assets, in economic turnover will continue. The article analyzes the current legislation in this area and the prospects for its development in the near future.*

Keywords: *digital rights, digital assets, crypto assets, EAEU. investment platforms.*

Вряд ли кто-то из практических специалистов и исследователей станет аргументированно возражать против того, что право как регулятор общественных отношений объективно должно динамично успевать за изменениями этих отношений, оперативно реагировать на появляющиеся новые отношения и гибко подстраиваться под меняющиеся традиционные. Целями таких изменений в праве, как нам представляется, выступает, в том числе, обеспечение достаточного уровня защиты прав в их статике и динамике.

Перед тем как перейти непосредственно к анализу вынесенной в заголовок настоящей статьи проблематики, связанной с включением цифровых прав в перечень объектов гражданского права, позволим себе привести некоторую историческую ретроспективу использования компьютерных технологий в республиках СССР.

Первый крупномасштабный компьютер БЭСМ-1 был собран в Москве в Институте точной механики и вычислительной техники им. С.А. Лебедева. Советские работы по компьютерам впервые были обнародованы на Дармштадтской конференции ещё в 1955 году. Как и в Соединенных Штатах, ранние компьютеры предназначались исключительно для научных и военных расчетов.

Если не принимать во внимание постепенное робкое распространение индивидуальных устройств с 1982г. (IBM), используемых функционально как более продвинутый вариант электронной печатной машинки, то роль компьютеров в управлении сложными системами общего гражданского назначения долгое время оставалась довольно скромной и вспомогательной.

Исключением можно считать числовое программное управление (сокр. ЧПУ; англ. computer numerical control, сокр. CNC — компьютерное числовое управление) — область техники, связанная с применением цифровых вычислительных устройств для управления производственными процессами. В этой сфере в СССР также был достигнут более чем заметный прогресс в 1960-е

по удаленному управлению сложными производственными процессами (металлургия, прокатное производство и пр.).

Все приведенные достижения не получили сколько-нибудь заметной правовой регламентации информационно-телекоммуникационной сферы, за исключением производственных регламентов операторов ПЭВМ различного типа и отраслевого назначения.

По настоящему серьезным вызовом законодателю в государствах на территории бывшего СССР стали, развивающиеся и усложняющиеся современные цифровые технологии, которые с конца XX в. с огромной скоростью изменяют современное общество, одновременно порождая самую насущную потребность в детализированном правовом регулировании. Дистанционное банковское обслуживание (интернет-банкинг), электронная торговля, электронная коммерция, расчеты посредством сети Интернет через систему электронных кошельков уже прочно вошли в нашу повседневную жизнь. С середины 2000-х гг. новым фактором, с каждым годом все более влияющим на экономические отношения, стало появление криптовалют, а затем - и токенов.

Факторы нарастающей цифровизации в экономике подвигли ряд государств к необходимости регулирования в рамках национального законодательства использования криптовалют и ICO [1] (США, Япония, Швейцария, Беларусь и др.), Казахстан, также как и Россия, в режиме выжидательного отношения к упомянутым явлениям оставался в стороне от этого процесса, более того, это заметно демонстрировало определенное негативное отношение к данным экономическим феноменам. Однако с каждым годом становилось все более очевидным, что такая политика приведет лишь ко все большему отставанию от других государств. В итоге, все-таки сложилось определенное понимание необходимости технологического развития и адекватного правового регулирования того, что, в целом, именуют «цифровой экономикой».

В итоге, в Республике Казахстан вслед за изменениями в российском законодательстве, вступившими в силу с 01.10.2019г. (ст. 128 ГК РФ) в рамках большого пакетного закона, были внесены изменения в ст. 115 и 116 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК).

В соответствии с изменениями, внесенными Законом Республики Казахстан от 25.06.20 г. № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий», в ГК РК появились две ключевые нормы о цифровых активах как аналогах цифровых прав в ГК РФ. Так, ч. 2 ст. 115 ГК РК теперь действует в следующей редакции: «2. К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе, иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы и другое имущество».

Статья 116 ГК РК с титулом «Оборотоспособность объектов гражданских прав» была дополнена п. 3-1 следующего содержания: «3-1. Понятие и виды цифровых активов, а также, особенности оборота цифровых активов определяются законодательством Республики Казахстан, актами Международного финансового центра "Астана"».

Как нам представляется, термин «цифровые активы», включенный в ГК РК является более удачным чем «цифровые права» в ст. 128 ГК РФ, который, будучи рассчитанным на многие категории (финансовые, имущественные, инвестиционные и пр.), всё же, отличается полисемией [2]. Так, с середины 2000-х годов «цифровые права» в одном из своих значений стали понимать как комплекс прав человека, заключающийся в праве людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также, коммуникационных сетей, в частности, к сети интернет. Доступ в интернет уже многие годы признаётся как неотъемлемое право в соответствии с законодательством ряда стран. К этому можно добавить, что в массовом обиходе со времен 1950-х годов в СССР «права» – водительское удостоверение, и если оно, в массе своей, в формате госуслуг и электронного взаимодействия станет не бумажным, а цифровым; вот и третье, но далеко не последнее значение термина «цифровые права».

Цифровые активы вошли в перечень объектов гражданского права в соответствие с новой редакцией ст. 115 ГК РК, а п. 3.1.ст. 116 ГК РК, носит при этом отсылочный характер к законодательству, которое должно быть принято в развитие и определить понятие, виды и особенности оборота для их отдельных категорий.

Какую последующую нормативную «разверстку» получают цифровые активы в законодательств Казахстана, пока неясно, т.к. нет законопроектов или планов законотворческой работы в данной сфере.

Законодательство Казахстана, как мы видим, на данный момент очень лаконично и даже не раскрывает сущность самого понятия «цифровой актив» в отдельной ст. ГК РК (подобно ст. 141.1 ГК РФ) либо в отдельном законе, также, отсутствуют и нормы, в которых какие-либо обязательственные права были названы цифровыми активами.

Возможно, в порядке прогноза развития законодательства, предположить, что цифровые активы будут определены как отдельный вид имущественных прав, которыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Дополнительно потребуются раскрыть содержание и условия осуществления прав на цифровые активы, в том числе, закрепить норму об обладателе цифрового актива (аналогичную п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, указывающей, что обладателем цифрового права признается лицо, которое, в соответствии с правилами информационной системы, имеет возможность им распоряжаться). В заключение следует заметить, что пока не существует закона, в котором какие-либо права были названы в качестве

разновидности цифрового актива. При этом следует принимать во внимание и особенности регулирования финансово-инвестиционной сферы Казахстана, проявляющейся в своеобразной ковариантности с того момента как, по инициативе Н.А. Назарбаева, был принят Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре "Астана"»[3] (далее – МФЦА).

МФЦА сегодня позиционируется как современный финансовый хаб для стран Центральной Азии, Евразийского экономического союза, Кавказа, Монголии, Западного Китая и Восточной Европы, имеющий одной из главных целей поддержку устойчивого экономического роста и содействие развитию широкого спектра финансовых услуг.

Уже с момента создания для МФЦА поставлена стратегическая цель войти в 20-ку крупнейших финансовых деловых центров Азии к 2030г.

Одновременно с этим, МФЦА — первая в ЕАЭС площадка, предоставляющая бизнесу системный доступ к быстрорастущему и перспективному сегменту инвестиций — исламским финансам. По различным оценкам, объем этого сегмента в мире уже составляет более 2,5 трлн долларов с прогнозом роста до 3,8 трлн к 2023 г.

При этом важно отметить, что исламское финансирование в МФЦА развивается не в противоречие, а в комплексирование к традиционным европейским финансовым инструментам, и, на наш взгляд, даёт только дополнительные преимущества, стабильность и устойчивость на самую долгосрочную перспективу.

Индустрия исламских финансов уже играет важную роль в развитии реальной экономики и повышении стабильности мировой финансовой системы. Создание прочной финансовой системы определено как одна из важных задач, способствующих развитию экономики Казахстана.

Обоснованно предполагается, что дальнейшее развитие исламского финансирования в МФЦА, предлагающего множество финансовых и бизнес-решений для внутреннего рынка и региона Центральной Азии, улучшит конкурентоспособность и динамичность финансового центра и будет работать на укрепление роли МФЦА как ведущего регионального финансового центра, интегрированного с мировым рынком.

Возникает резонный вопрос: Не входят ли развитие цифровых активов в МФЦА и, в целом, в Казахстане в некоторое сложное противоречие с исламским финансированием? Справедливости ради следует отметить, что дискуссия здесь далеко не закрыта. Так, ведущие исламские страны и богословы, специализирующиеся на исламских финансах, пока не пришли к единому мнению по цифровым деньгам. К примеру, муфтий Египта и одновременно известный эксперт в мире исламских финансов, профессор Мунзир Кахф определили криптовалюту неприемлемой с точки зрения шариата денежной системой.

Не дождавшись общей согласованной позиции или же имея свое собственное видение криптовалюты, в Саудовской Аравии, Турции, Тунисе,

Малайзии официально разрешили ее оборот. Причем, в Малайзии даже заявили о планах по созданию «исламской криптовалюты».

Каким образом появление новой категории в ГК РК отзовется на объеме финансовых рынков криптовалют и токенов и других возможных категорий цифровых активов? На наш взгляд, до развития законодательства и появления первой правоприменительной практики это невозможно обоснованно прогнозировать. Однако ориентиры, пусть и укрупненные, всегда можно найти в соотношении емкостей фондового рынка стран ЕАЭС. Это далеко не лишает отдельные страны возможности ставить амбициозные цели по созданию и развитию новых финансовых центров Евразии.

Как нам представляется, только по мере принятия специального законодательства и его применения для регулирования деятельности инвестиционных платформ, работающих с цифровыми активами в Казахстане, можно будет оценить значимость рассматриваемого нового вида объектов для экономического развития страны и для формирования общего финансового рынка ЕАЭС.

На сегодняшний день, в Казахстане также как и в России ежегодно растет количество пользователей приложений для инвестирования [4] и количество инвестиционных частных счетов составляет: 132,86 тыс. счетов физлиц в Центральном депозитарии ценных бумаг и около 98 тыс. – в депозитарии биржи АИХ. Аналитические прогнозы предполагают, что развитие инвестиционных платформ позволит нарастить число розничных игроков на фондовом рынке [4]. При этом выделяются такие категории, как краудинвестиционные и краудфандинговые площадки, равноправное кредитование, фонды и бизнес-ангелы, которые, независимо от условий взаимодействия участников экономических отношений, нацелены на альтернативное многовариантное инвестирование.

Как нам представляется, наибольшее значение среди всего перечисленного для перспектив оборота цифровых активов имеет краудфандинг как новый дополнительный инструмент инвестирования. По состоянию на 2022 г. в развитых экономиках под краудфандингом одинаково понимается инвестирование большим числом физических лиц небольших сумм в проекты новых компаний, находящихся на начальных этапах развития. Способы реализации такой складчины могут отличаться: где-то привычнее взаимодействие через социальные сети, а, в иных случаях, используется функционал инвестиционных платформ либо разновидности внебиржевого распространения бездокументарных ценных бумаг. На 2019 г. краудфандинг как разновидность прямых инвестиций в мировой экономике уже оценивался в 13,9 млрд долл. США, с прогнозом на увеличение к 2026 г. до 39,8 млрд долл. США [6].

По состоянию на 2022г. уже в 36-ти государствах, среди которых и передовые страны мира — США, Великобритания, Германия, Испания, Япония, Канада, Швейцария, — криптовалюта уже стала самостоятельным игроком на рынке. Цифровые деньги в этих странах можно использовать как

платежные средства, их оборот контролируется властями или никак не ограничивается.

Казахстан по состоянию регулирования занял промежуточное положение между странами, одобряющими криптовалюты, и странами, категорически их запретившими. Национальный банк Казахстана не включил криптовалюту либо другие цифровые активы в государственную систему денежного оборота, но в стране, в целом, не воспрещается ее использование.

Одновременно с этим, инвестиционные платформы в Казахстане не имеют специального законодательного статуса, а термин в экономическом обороте имеет больше технологическое значение для онлайн-инвестирования, чем правосубъектное.

Инвестиционные платформы как специализированные программы пришли с периода 2015-2017гг. на смену дорогостоящим и не гибким программам инвестирования. В массовом обывательском понимании это - брокеры Казахстана, программы или даже приложения на телефон, которые можно использовать для заработка или пассивного дохода самостоятельно. Для регистрации достаточно быть совершеннолетним и иметь банковский счёт.

Стоит заметить, что наиболее массовые популярные платформы на сегодняшний день не казахстанские, т.к. предполагается, что в Казахстане инвестиционная культура только развивается и уровень доверия к казахстанским компаниям невысокий, потому что компании-эмитенты пока не могут предоставить надёжную гарантию роста инвестиций.

Рассматриваемые платформы дают возможность начать инвестировать с небольших сумм (20\$), предоставляют возможность обучения путем копирования сделок опытных трейдеров или через специализированный курс перед началом инвестирования и даже предлагают застраховать свое вложение, чтобы не потерять деньги. К сожалению, в Казахстане такие программы пока не создаются, поэтому язык управления приложения может быть английским, хотя многие уже включили русский в один из основных языков (!) и как следствие валютой операции часто являются доллары, евро, в некоторых случаях, рубли, но не тенге.

Проанализировав предлагаемый сегодня функционал наиболее массово используемых в Казахстане платформ-приложений (Bulkestate, Capital.com, Crowd Estate, Autoinvest, DebitumNetwork, eToro, Mintos, NordFX, Paybis, Reinvest24, Viainvest и пр.), можно резюмировать, что, типично, они позволяют вкладываться в недвижимость и ипотечные продукты европейских стран, (в Литве, Латвии, Польше и Эстонии) торговать акциями и биржевыми товарами через брокера, либо работают по принципу электронного обменного пункта, где можно приобрести и продать любые криптовалюты. К сервису Mintos, дающему возможность инвестировать в займы на глобальном рынке, обращаются в коммерческих масштабах такие казахстанские компании, как Tengo.kz, ID Finance, Кредит 24 и LFTECH.

На наш взгляд, недостаточность, неполнота регулирования деятельности инвестиционных платформ в существующем виде не может обеспечить стимулирование реальных инвестиций в экономику в Казахстане и ЕАЭС.

Выводы.

1. Термин «цифровые активы», используемый в действующей редакции статей 115 и 116 Гражданского кодекса Республики Казахстан, в его гражданско-правовом содержании эквивалентен термину «цифровые права» ст. 128 в ГК РФ.

После редакционных изменений ст.ст. 115 и 116 ГК РК термин «цифровые активы» не получил дальнейшего развития как по отдельным разновидностям, так по особенностям их оборота.

2. В развитие положений ст.ст. 115 и 116 ГК РК, в Казахстане целесообразно принятие законодательного массива подобного Федеральному закону от 02.08.2019 N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и Федеральному закону "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ.

Российское законодательство не претендует на статус образцового и модельного, но законодатели Казахстана вполне могут учесть всесторонний опыт правоприменения, полноту и эффективность. Также, может быть учтен российский опыт практической реализации в сфере национальных инвестиционных платформ, связанный с включением в реестр ЦБ РФ за период с 02.06.2020г. по 13.07.2022г. уже 65 специализированных организаций [7].

3. Цели реализации планов по созданию общего финансового рынка ЕАЭС к 01.01.2025г., со всей очевидностью, формируют запрос на дальнейшее большее сближение законодательства в рассматриваемом сегменте цифровой экономики как для привлечения прямых инвестиций, так и для обеспечения равных прав инвесторов независимо от того, резидентами какой страны ЕАЭС они являются.

Литература

1. *Initial coin offering*, (читается *Ай Си О*, с англ. — «первичное предложение [размещение] монет») — форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц криптовалют, полученных разовой или ускоренной генерацией. Встречается также форма «первичного предложения токенов».

2. *Полисемия* (от греч. *πολυσημεία* — «многозначность») — многозначность, многовариантность, то есть наличие у слова (единицы языка, термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению. См.: Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — 325 с.

3. См.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438> (дата обращения: 07.07.2022).

4. Для Казахстана наиболее используемые: *Freedom Finance*. *Haluk Finance*. *АО Jysan Invest*. *АО BCC Invest*; в России в ТОП входят: *Тинькофф*

Инвестиции, ВТБ: мои инвестиции, Сбербанк: Мой инвестор, Открытие брокер, Альфа директ, FinamTrade, Мой брокер (БКС), МТС инвестиции, Альфа-капитал, Alpari invest.

5. *Подробнее на Kursiv Media: <https://kz.kursiv.media/2021-01-27/kakie-prilozheniya-dlya-investitsiy-royavilis-v-kazakhstan/> (дата обращения: 07.07.2022).*

6. *См.: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ИНВЕСТИРОВАНИЯ: ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И КРАУДФАНДИНГ. Доклад для общественных консультаций. https://cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (дата обращения: 07.07.2022).*

7. *<https://cbr.ru/registries/?CF.Search=%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (дата обращения: 10.07.2022).*

8. *Aru I. The Fundamental Principles of Utility Tokens in the Blockchain Ecosystem. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ccn.com/fundamental-principles-utility-tokens-blockchain-ecosystem/>. (дата обращения: 10.07.2022).*

9. *Новоселова Л. "Токенизация" объектов гражданского права // Хозяйство и право. –2017. – N 12. – С. 29 - 44.*

10. *Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. –2018. – N 4. – С. 27 - 34.*

11. *Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. –2018. –N 2. –С. 30 - 74.*

12. *Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, – 2017. С. 11.*

13. *Сулейменов М.К. Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/5009131-tsifrovizatsiya-i-sovershenstvovanie.html>. (дата обращения: 10.07.2022).*

Literature

1. *Initial coin offering, (read AI Si O, from English — "initial offer [placement] of coins") is a form of attracting investment in the form of selling to investors a fixed number of new units of cryptocurrencies received by one—time or accelerated generation. There is also a form of "initial token offering".*

2. *Polysemy (from the Greek. πολυσημία — "polysemy") — polysemy, multivariance, that is, the presence of a word (a unit of language, term) of two or more meanings historically conditioned or interrelated in meaning and origin. See: Pesina S. A. Polysemy in the cognitive aspect: Monograph. — St. Petersburg: Publishing House of A. I. Herzen RSPU, 2005. — 325 p.*

3. *See: Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438> (accessed: 07.07.2022).*

4. *For Kazakhstan, the most used: Freedom Finance. Halyk Finance. JSC Jysan Invest. JSC BCC Invest; in Russia, the TOP includes: Tinkoff Investments, VTB: my investments, Sberbank: My investor, Otkritie broker, Alfa Direct, FinamTrade, My Broker (BCS), MTS Investments, Alfa Capital, Alpari invest.*

5. *Read more on Kursiv Media: <https://kz.kursiv.media/2021-01-27/kakie-prilozheniya-dlya-investitsiy-poyavilis-v-kazahstane/> (accessed: 07.07.2022).*

6. *See: DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE INVESTMENT MECHANISMS: DIRECT INVESTMENT AND CROWDFUNDING. A report for public consultation. https://cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (accessed: 07.07.2022).*

7.

<https://cbr.ru/registries/?CF.Search=%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (accessed: 10.07.2022).

8. *Aru I. The Fundamental Principles of Utility Tokens in the Blockchain Ecosystem. 2020. [electronic resource]. URL: <https://www.ccn.com/fundamental-principles-utility-tokens-blockchain-ecosystem/>. (date of appeal: 10.07.2022).*

9. *Novoselova L. "Tokenization" of objects of civil law // Economy and law. - 2017. – N 12. – P.*

29-44. 10. *Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets as objects of entrepreneurial turnover // Law and economics. -2018. – N 4. – p. 27-34.*

11. *Fedorov D.V. Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience // Bulletin of Civil Law. -2018. –N 2. –p. 30 - 74.*

12. *Swan M. Blockchain. Scheme of the new economy. M.: Olympus-Business, - 2017. p. 11.*

13. *Suleimenov M.K. Digitalization and improvement of civil legislation. [electronic resource]. URL: <https://www.zakon.kz/5009131-tsifrovizatsiya-i-sovershenstvovanie.html>. (date of application: 10.07.2022).*